

А
Аркадий ГАЙДАР

ГИБЕЛЬ 4-Й РОТЫ

Рассказ

На днях я прочитал в газете извещение о смерти Якова Берсенева. Я давно уже потерял его из виду, и, просмотрев газету, я был удивлен не столько тем, что он умер, сколько тем, как еще он смог прожить до сих пор, имея не менее шести ран - сломанные ребра и совершенно отбитые прикладами легкие.

Теперь, когда он умер, можно написать всю правду о гибели 4-й роты. И не потому, чтобы не хотелось раньше это сделать из-за боязни или других каких соображений, а только потому, что не хотелось лишний раз причинять никчемную боль главному виновнику разгрома, но в то же время хорошему парню, в числе многих других жестоко поплатившемуся за свое самоволие и недисциплинированность.

Было это дело у Черной долины, в Таврии, на маленьком полустанке, имя которого затерялось у меня в памяти. Нашей 4-й роте поручено было охранять участок железной дороги возле бандитского гнезда Бакалеевки, из центра которого постоянно выделялись отряды, разрушившие возле полустанка железнодорожное полотно.

За неделю у нас было несколько мелких стычек и перестрелок.

Рота наша была крепкая, дружная, но немного своевольная и недисциплинированная.

И одним из самых отчаянных и в то же время неорганизованных бойцов был Яков Берсенов - прежний махновец, однако окончательно перешедший на сторону красных.

Он никак не мог освоиться с мыслью, что рота - это не сборище отчаянных бойцов-одиночек, а боевая единица, врученная в командование нашему начальнику.

Он всегда говорил:

- Что мне Сырцов? У меня своя винтовка, свои глаза, я и сам вижу, что можно, что нельзя, что важно и что неважно.

Или говорил:

- В бою командир мне не нужен - в наступление я иду без погонялки, а отступать мне хоть двадцать командиров приказывай, я все равно не буду, пока сам не увижу, что больше "нет" никакой возможности держаться...

И так вышло.

Прибежал после обеда парень из Бакалеи - растрепанный, руки плетью висят, тело пульей прохвачено, и говорит:

- Беда, товарищи, - в ночь сегодня окружат вас. Прибыл в Бакалею отряд под командой самого Корша - человек триста... Окружат они сегодня полустанок и перебьют вас всех.

- Ну, это мы еще посмотрим, - сказал начальник и подошел к телефону, повернул рукоятку, а звонка и нет - перерезан провод.

Дал он тогда пакет ординарцу и велел ему скакать в штаб за шесть верст.

И приказывает он одному отделению остаться на полустанке - окопаться с пулеметом и открыть бешеную стрельбу, едва только начнет наступать банда, а сам собрал остальных людей и вывел за полверсты в рошу, что стояла на бугорке, с тем, что, когда сомкнется банда возле полустанка, ударить ей неожиданно всеми силами в тыл.

Прискакал ординарец и передал, что выделить в помощь пехоты нисколько нельзя, но зато в трех верстах - в Раменском - выставляется батарея, которая откроет ураганный огонь, едва только Корш ворвется на полустанок, а потому отделению, завязав перестрелку, тотчас же отойти в рошу, а оттуда уже после артиллерийской подготовки вместе со всеми ударить в раскрытого обстрелом врага.

Ночь наступила тревожная... Лежали мы, не смыкая глаз и руки от затвора не отпуская.

И вдруг совершенно неожиданно прибегают с северного секрета ребята и сообщают, что банды не берут в полукольцо с юга полустанок, а густыми цепями движутся с севера - очевидно, с тем, чтобы отрезать нам путь к отступлению, разъединить с полком и отогнать в сторону бандитских Бакалей.

Обстановка совершенно изменилась. Начальник, чтобы не поднимать паники, не